

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

КАК ЛЫКОВ
НЕ СТАЛ ГЕНЕРАЛОМ

Николай Свечин
Как Лыков не стал генералом
Серия «Сыщик Его
Величества», книга 31

Текст предоставлен правообладателем
2023

Аннотация

Если вы думаете, что искусство эскорта – явление современности, то вы ошибаетесь. Им владели женщины еще во времена Империи, в которой даже Великий князь не был чужд плотских утех. Интрига, связанная с его любовницей, легла в основу повести. Как быть женщине, если у нее два любовника, а выбрать нужно одного? Возможно единственный выход – исчезнуть из числа живых...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Николай Свечин

Как Лыков не стал генералом

Директор Департамента полиции Белецкий вызвал к себе статского советника Лыкова в восьмом часу вечера. Вид у него был непривычно сконфуженный.

– Алексей Николаевич, у меня к тебе просьба, – начал он, хмурясь и играя бровями.

Лыков насторожился. Таким он начальника еще не видел. Статский советник молча ждал, а Белецкий никак не мог продолжить.

– Ну? Степан Петрович, не юли. Что-то неприятное?

– Как сказать. Пожалуй, это будет для тебя очень выгодно.

– В каком смысле?

– Во многих, во многих... Ты ведь хочешь стать генералом? Не прочь надеть белые брюки?¹

– Только дурак не хочет стать генералом, – усмехнулся Лыков. – Однако правила этого не позволяют.

Согласно правилам, статскому советнику для повышения требовалось иметь не менее пяти лет выслуги в своем чине, не менее двадцати лет общей выслуги в классных чи-

¹ Белые брюки принадлежали к парадной форме высших четырех чинов статской службы. (Здесь и далее – примеч. автора.)

нах, и состоять в должности не ниже пятого класса². Общей выслуги у Лыкова было о-го-го, тридцать четыре года! И должность позволяла. Он числился чиновником особых поручений при министре внутренних дел, прикомандированным для занятий в Департаменте полиции. По росписи должностей – четвертый-пятый классы. По двум показателям сыщик мог рассчитывать на повышение. Однако статского он получил в тысяча девятьсот девятом году и сейчас, летом тринадцатого, не имел еще права на производство. Разве только не в очередь, по особому повелению государя. Но на такое Лыков не надеялся, так как пребывал в опале уже много лет.

Директор радостно замахал руками:

– На сей предмет можешь не беспокоиться! Все будет проведено в наилучшем виде.

– Так, – насторожился Лыков. – Что я должен сделать, если за сей подвиг нарушат закон?

Белецкий пояснил просительно:

– Увидеться со старцем и выполнить его просьбу.

– С каким еще старцем?

– У нас только один старец, Григорий Ефимович Распутин.

Сыщик не сдержался и выругался. В кабинете повисло молчание. Наконец Лыков спросил:

² Пятый класс Табели о рангах – статский советник; четвертый класс – действительный статский советник (первый генеральский чин).

– А что ему нужно?

– Наказать одного негодяя, который раздражает Григория Ефимовича.

– Почему это должен делать я? Есть сыскная полиция градоначальства, пусть они и занимаются!

– И чин действительного статского получит Филиппов? – ехидно уточнил Белецкий.

Главный столичный сыщик Филиппов тоже не прочь был надеть белые штаны, но никак не мог заслужить их при сварливом градоначальнике Драчевском.

– Владимир Гаврилович давно достоин повышения, – заступился за своего товарища Лыков. – И сыщик он от Бога, лучше меня, пожалуй.

– Лучше тебя никого нет, в этом вся заковыка, – возразил директор. – Именно так сказал Распутину Комиссаров. И теперь старец желает поручить дело именно тебе.

– Экая скотина, – опять выругался Алексей Николаевич.

Полковник Комиссаров из Отдельного корпуса жандармов славился беспринципностью и неразборчивостью в методах. Сейчас он занимал пост начальника Вятского ГЖУ³ и мечтал о возвращении в столицу.

– Что, Мишутка подбирается к старцу? Если из Вятки оказывает ему услуги?

– М-м...

– Ублажить Распутина сейчас лучший способ возвыситься-

³ ГЖУ – Губернское жандармское управление.

ся?

Белецкий рассердился:

– Чистеньким прикидываешься, Алексей Николаевич? Все кругом бобры, один ты соболек?

Статский советник ответил действительному статскому с горечью:

– Прав, прав. Нельзя выслужить полковничий чин в полиции и при этом не замараться. Грехов на мне много. Только до лакейства я пока не опускался. Тем более перед бывшим конокрадом, мошенником и паскудником.

Разговор зашел в тупик. Белецкий спросил с нажимом:

– Ты окончательно отказываешься? Ведь даже не знаешь, о чем тебя попросят. Григорий Ефимович добро помнит. На него много наговаривают, а он лучше, чем гласит молва. Сплетники кого угодно очернят, им только в радость.

– Если знаешь подробности – расскажи.

– Нет, ты послушай сначала мои аргументы, – завелся директор. – Ведь не только в чине дело! А в большем, много большем. Если сумеешь угодить старцу, считай, августейшая благосклонность у тебя в кармане. Это же какие перспективы открываются! За такие коврижки требуется всего лишь прижать мелкого жулика. А ты гордыню выказываешь.

Августейшая благосклонность... Лыков принадлежал к тем примерно двум тысячам человек, которых царская чета знала лично. Разумеется, его номер на этой ярмарке тщеславия был в конце. Кроме того, сыщик на себе испытал зыб-

кость той благосклонности, выгоды которой ему расписывал шеф. В прошлые годы Алексею Николаевичу доверяли без-опасность монарха, и он справлялся с огромной ответствен-ностью, ни разу не подвел Его Величество. Но у него не зала-дилось с императрицей, и тут уже ничего нельзя было поде-лать. Александра Федоровна научилась говорить по-русски почти без акцента, но осталась мелочной германской бюр-гершей, которая вдруг выиграла в лотерею счастливый би-лет. Взойдя на престол самой крупной державы в мире и при-ручив самодержца, теперь она все силы тратила на его дрес-сировку. Никки должен быть выше всех, возле трона место лишь самым преданным, и пусть окружение чувствует на се-бе Высочайшую волю... С волей у государя были проблемы, зато с избытком имелось скрытности и злопамятства. В ре-зультате лучшие из царских слуг оттирались от Двора, назна-чения на высшие посты делались все непонятнее, новые фа-вориты – все ничтожнее. Молва приписывала это влиянию старца. Говорили, что он любовник императрицы и чуть ли не развращает ее дочерей. Лыков не верил в это и брезгли-во отмахивался от сплетен. Посидев ни за что ни про что в тюрьме, он перестал быть монархистом и верным слугою царя. Однако оставалась обида за страну, за потерю ею лица. Вдруг стало возможным то, о чем прежде и помыслить нель-зя было. Куда катится Россия? Теперь этот вопрос задавали себе многие.

В то же время Алексей Николаевич не покидал служ-

бу и был в меру честолюбив. Ходить в штатских генералах ему, конечно, хотелось. А тут без царской милости не обойтись. Новые чины объявлялись дважды в год, на Пасху и на Рождество, приказами по военному и гражданскому ведомствам, чохом, сразу сотнями. Николай Второй подмахивал их не глядя. Но чины высших четырех классов утверждались только его личным распоряжением. Служи в статских хоть шесть лет, хоть шестнадцать, так и помрешь высокородием. А хочется – вашим превосходительством.

Дойдя до этой нехитрой мысли, Лыков вздохнул:

– Степан Петрович, понимаю. Зла себе не ищу. Говори, в чем дело.

– Так-то лучше, – повеселел Белецкий. – А дело вот в чем. У Григория Ефимовича, если не знаешь, имеются две дочки. Варвара еще ребенок, а Матрена уже барышня. Кроме того, есть сын, но речь сейчас не о нем. Марочка – любимое дитя Григория Ефимовича, он ее балует и лелеет. Девочки ходят в Стеблино-Каменскую частную приготовительную школу, получают знания. Марочка давно в окружении отца, ее знают и в высшем свете...

– Сколько ей лет? – перебил начальника Лыков.

– Шестнадцатый пошел.

– Да ну! Через год можно замуж выдавать...

– Об том и речь, – оживился Степан Петрович. – Аккурат в точку. Нашелся, понимаешь, прохвост и начал барышню обольщать. Конфеты дарить, букетики. Некто Василий Тевя-

шев, держит электротheater на Караванной. Двадцать восемь лет, ни в чем предосудительном не замечен, человек вполне дюжинный.

– В чем же дело? – поморщился сыщик. – Распутина караулит охранное отделение. Его начальнику ничего не стоит выслать «дюжинного человека» из столицы в двадцать четыре часа.

Белецкий сложил руки на животе:

– Если бы все было так просто... Ни ты, ни я бы тогда не понадобились. Но Марочка не перенесет подобного.

– Что? – Алексей Николаевич опешил. – Да наплевать на ее слезы! Погрустит и перестанет. А то ты не знаешь, что в голове у шестнадцатилетних барышень. Вопрос яйца выеденного не стоит, а ты мне за это предлагаешь пролезть в генералы. Самому-то не стыдно?

– Если директору Департамента полиции бывает стыдно, то он не годится для занимаемой должности, – хладнокровно парировал Белецкий. – И ты меня не совести, сам не святой.

– Не святой, – согласился сыщик. – И все же, почему парня нельзя просто турнуть из Петербурга? Фон Коттен⁴ делает это в два счета.

– И попросит за это произвести его в генерал-майоры.

– Пускай! Михаил Фридрихович – достойный офицер. Лампасы он заслужил.

⁴ *Фон Коттен Михаил Фридрихович* – начальник Петербургского охранного отделения.

– А ты?

Разговор пошел по кругу, Лыков с трудом боролся с нарастающим раздражением. Его начальник тоже кривился, но упорно гнул свое. Понятно почему! Белецкому было выгодно, чтобы именно его подчиненный сделал одолжение старцу. Глядишь, и шеф получит дивиденды...

– Тевяшева нельзя выслать безо всякого повода, – сдержанно продолжил Белецкий. – Во-первых, он держит у себя два-три письма Матрены Григорьевны. Так, ничего особенного, но барышня молодая, неопытная. Она там написала кое-что лишнее. Если скормить записки газетчикам, выйдет скандал. А он никому не нужен... кроме врагов царской фамилии. Понимаешь?

– То есть...

– То есть случайная интрижка с дочкой Распутина может быть раздута до небес.

Полицейские опять замолчали. Лыков нервно барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Вот еще задача для лучшего волкодава империи: спасти дочку негодяя, прильнувшего к трону. И все ради сохранения устоев! А почему бы этим устоям не поумнеть? И не мараться со всяким отребьем?

– Хорошо. Есть записки, – заговорил сыщик. – Их нельзя отобрать?

– Как? Прийти домой, приставить ему к голове револьвер и потребовать их отдать?

– Хоть бы и так. Вызови из Вятки Мишку Комиссарова, он все это легко проделает.

Белецкий помотал головой:

– Чтобы он пролез в генералы?

– Что ты так жалеешь чинов для лучших слуг Отечества?

– Мишку только произведи в генералы, он сразу сядет мне на голову. Ты, Алексей Николаич, не путай себя с ними. От твоего возвышения мне одна выгода. А от них что? Я хочу, смешно скрывать, чтобы просьбу старца исполнил именно ты. И чтобы чин получил тоже ты. Мой лучший сыщик, человек верный и порядочный.

– Степа, – Алексей Николаевич впервые назвал начальника по имени, – пойми: порядочные люди такими вещами не занимаются!

– Ну хоть дай совет!

– Я тебе уже дал: выслать. Напугать так, чтобы помалкивал. Письма отобрать, взять подписку о неразглашении. А то не знаешь, как это делается? Берут на улице под руки и тащат в кутузку без объяснений. Держат сутки. Потом входит дядя с красной рожей, топает ногами и грозит отослать в Туруханский край до второго пришествия.

– А Марочка?

– Тьфу! – взвился статский советник. – Что Марочка?

– Она любит своего Васеньку. Первое чувство, все такое... Папаше жалко так ее ломать. Надобно найти причину, очернить суженого в глазах барышни. Факты непригляд-

ные предоставить. Непотребство или половое извращение, например.

– Значит, я тебе нужен именно для этого?

– Всего-навсего, – Белецкий изобразил улыбку. – Ты умный, опытный. Придумаешь такие факты, что вся любовь пройдет. Заманить его к проститутке-мазохистке, а там облава, протокол, то да се. Или еще как. Например, подвести негодяю малолетку, тогда он вообще уедет за Урал. Не мне тебя учить. Если барышня увидит, что ее избранник грязен и бесчестен, ей легче будет перенести разлуку. Только надо артистично, и чтобы комар носу не подточил. Поэтому и нужен ты.

Лыков с шумом отодвинул кресло и встал:

– Ну, спасибо за доверие, ваше превосходительство! Разрешите идти?

– Вы подумайте, ваше высокородие, хорошо?

– Слушаюсь.

– До завтра, – уточнил Белецкий и кивнул на часы, стоящие на камине. – К семи пополудни жду вашего решения.

Алексей Николаевич направился к двери, когда начальник сказал ему в спину:

– Не будь дураком! Такой шанс!

Сыщик вышел, не ответив.

Он явился домой не в духе, наорал сначала на жену, потом на кухарку, закрылся в кабинете и выпил там без закуски чайный стакан коньяку. Бутылка была спрятана за собрани-

ем сочинений Пушкина. В тайниках статского советника была своя система: Лермонтов скрывал водку (как-никак, лейб-гусар), Байрон – английскую горькую. А двухтомник Мельникова-Печерского заслонял травничек на березовых почках фабрикации Титуса.

Немного успокоившись, Алексей Николаевич вышел из укрытия, повинился перед женой и прислугой и спросил чаю. Ольга Дмитриевна привыкла уже к подобным сценам. Жизнь столичного бюрократа становилась тем тяжелее, чем выше он продвигался в чинах. Как же живут действительные тайные советники? Ужас... Власть деградирует, а ты служи как ни в чем не бывало, выполняй все более глупые указания. Поневоле захочешь революции!

– Что у нас на ужин? – без особого интереса спросил хозяин.

– Дарья нажарила бекасов, еще есть битые огурцы и паштет. На сладкое груши в сахарном сиропе.

– Не хочу пока ничего. Вот чаю попою.

Лыков придвинул к себе стакан в бисерном подстаканнике, который он унаследовал от Благово. Его учитель дорожил этой вещью – подарком от любимого человека. Всю жизнь прожив холостяком, Павел Афанасьевич хранил рукоделие как память о единственной женщине, на которой хотел жениться. Да судьба не позволила...

Со стаканом в руках сыщик вернулся в кабинет, сел за ломберный столик и задумался. Чего врать самому себе?

Генералом ему стать хотелось. Когда-нибудь, может, и дадут. Надо отслужить минимум пять лет в нынешнем чине, он отбыл почти четыре. С такой государыней, как наша, жизни не хватит... Вместо пяти заставят отмотать все десять. Вон как долго не хотели давать статского. Да и царь хорош. Навел такие порядки, что малограмотный мужик с темным прошлым вторгается в высшие сферы государственного управления. Может и в генералы произвести в обход правил! Если сумеешь ему угодить. Эх...

Лыков знал, что сила Распутина зиждется на его необъяснимом влиянии на здоровье наследника. Тот болен, болен неизлечимо. От народа это скрывают. Цесаревич не жилец, дольше двадцати пяти лет с такой хворью не вытягивают. Разве только успеют его женить, и он зачнет сына. Гемофилия передается лишь по женской линии, и тогда у династии есть шанс. Впрочем, очередь на престол длинная, без царя Россия не останется. И вот обезумевшая от горя мамаша трясет своего слабовольного мужа, а отдается тряска по всем подданным. Жалко ее, но державу жалко еще больше. Нет, все-таки монархия – устаревшая форма правления. Слишком много зависит от одного человека. А если этот человек непригоден к службе государем?

Поразмыслив о судьбах России, статский советник перешел к своим делам. Так как поступить? И хочется, и совестно. Даже не так: стыдно. Стыдно опускаться до искомства перед конокрадом. Пошел он к черту! И царь-батюшка пусть

идет туда же. Хоть он, Лыков, потомственный дворянин всего во втором поколении, но честь свою ценит высоко. И за белые штаны ее не купить.

Взгляд Алексея Николаевича остановился на том самом подстаканнике, что он держал в руках. Память о любимом учителе. Какой совет он дал бы сейчас ученику, если бы был жив? Вдруг до Лыкова дошло. Странно, что не сразу, а лишь теперь. Стареешь, сказал он сам себе. Видать, не просто так взял эту вещицу. Был же совет, был! Ну-ка... В каком году это случилось? Секретное административное дознание в отношении великого князя Николая Николаевича Младшего. За год до смерти Павла Афанасьевича. Его тогда тоже соблазняли, предлагали чин тайного советника, а он выбрал честь. Ай да учитель! Вот спасибо за подсказку с того света!

Алексей Николаевич вышел в шинельную, снял трубку эриксона и попросил барышню связать его с прямым номером Белецкого. Как и ожидалось, тот все еще сидел на службе.

– Степан Петрович, я решил.

– Да? И что именно?

– Найди кого-нибудь другого, я не хочу в этом дерьме мазаться.

Директор помолчал, потом спросил с надеждой:

– А точно?

– Точно.

– Ты же понимаешь: я хотел как лучше для тебя.

– Понимаю, Степан Петрович. И ценю. Но... для меня лучше отстраниться.

– Ну тогда и черт с тобой! Сиди в пятом классе до пенсии! – сорвался Белецкий и бросил трубку.

Лыков пружинистой пластунской походкой двинулся в гостиную и приказал жене:

– Вели нести бекаса! И горькой английской тоже.

Ольга Дмитриевна всмотрелась в мужа:

– Повеселел... Что хоть случилось-то?

– Предложили стать говночистом и обещали за это генерала.

– Ой! – она сложила руки на груди. – Квинтиллиан из зеленой лавки обращался бы ко мне «ваше превосходительство»! Но... не видать мне такого счастья?

– Не видать.

Супруга вздохнула – не то притворно, не то всерьез; кто их поймет... Потом распахнула дверцы буфета и вынула две рюмки:

– Налей и мне горькой.

Четвертого апреля 1888 года столичная полиция делала очередной обход глухих местностей левого берега Невы. На пустопорожних барках в Озерковой слободе взяли тридцать беспаспортных, в числе которых оказался один беглый с каторги. Еще двое попались в Тентелевой деревне. Самая ценная добыча ожидала фараонов в Автово – атаман бан-

ды громил Фимка Ражий. Люди Путилина искали его с зими, за многочисленные грехи. А тут парень намулындился и уснул в доме своей марухи. Проснулся оттого, что сам полицмейстер Третьего отделения полковник Целерицкий тыкал его револьвером в грудь.

А отряд городских под командой титулярного советника Шереметевского осмелился вторгнуться в святая святых преступного мира – на дальнюю окраину Горячего поля, за свалку. Туда без пехотной дивизии не ходи! Но Шереметевский, исправлявший в сыскной полиции должность чиновника для поручений, не побоялся. Храбрый, артистичный, любимец Путилина, он никак не мог избавиться от унижительного «и.д.». И в последнее время шел напролом, жаждал отличиться. И отличился на свою голову... В кустах за Волчьей канавой, где каждую весну лихие люди закапывали до десятка жертв, сыщик обнаружил три старых холмика и один совсем свежий. Титулярный советник предусмотрительно велел своему отряду захватить лопаты – он целенаправленно шел именно к зловещей канаве. Теперь сыщик приказал свежий холм разрыть, а старые пока не трогать.

Земля была податлива, как будто яму рыли вчера. Уже через минуту из могилы показалась рука. Выкопали все тело и обнаружили труп молодой женщины в одном белье, красивой и даже ухоженной. Она была в крови, на груди и боку зияли раны. Убили ее недавно, на теле даже не успели выступить пятна. Находку спешно отправили в полицейский морг

при Казанской части.

Вечером Путилин по телефону велел всем надзирателям явиться на Офицерскую. Штаты Петербургской сыскной только что расширили, вместо прежних двадцати надзирателей теперь в ней числилось аж сто двадцать, не считая вольнонаемных агентов. Всех их отправили на опознание в морг. Уже через час новичок, неимеющий чина Шевалдышев, доложил Ивану Дмитриевичу:

– Знакомая дамочка. Третьего дня встретила мне на выходе из меблированных комнат Донато.

– Это которые в Заячьем переулке?

– Угол Заячьего и Дегтярного, ваше превосходительство.

– Ну-ну. И как ты ее запомнил? Вернее сказать – почему?

– Как же было не запомнить, ежели она выходила под руку с генералом. В красной фуражке.

Путилин покосился на Шереметевского:

– Леонид Алексеевич, кто у нас носит красные фуражки?

Тот переменялся в лице:

– Как выглядел генерал? Высокого росту, с бородой, лет около тридцати с небольшим?

Пришел черед меняться в лице самому Путилину:

– Разве бывают тридцатилетние генералы?

– Бывают, Иван Дмитрич. О-хо-хо... Наменяю: красные фуражки носят царкосельские лейб-гусары.

– И шо? – с малоросским акцентом спросил действительный статский советник.

– Это был великий князь Николай Николаевич Младший, командир лейб-гвардии Гусарского полка.

– Шо? Ах, чтоб тебя!.. Леонид, ты за каким чертом полез в Волчью канаву? Понимаешь, что сейчас начнется?

Шевалдышев растерянно переводил взгляд с чиновника для поручений на начальника и ничего не мог понять. Путилин кивнул ему:

– Ступай. И никому ни слова, понял?

– Так точно.

В кабинете начальника ПСП⁵ состоялось срочное совещание. Присутствовали: хозяин кабинета, его помощник коллежский советник Виноградов и Шереметевский.

Чиновник скупо сообщил все имеющиеся факты и добавил:

– Труп совсем свежий, бабу убили не позднее вчерашней ночи.

– И надо было тебе... – опять сорвался Путилин, но сам себя одернул: – Чего теперь... Как быть, господа? Мало нам хлопот с простым князем?

Сыскная полиция раскручивала дело о мужеложестве князя Мещерского, друга государя. К дознанию привлекли уже более двухсот человек, включая актеров Александринского театра Варламова, Давыдова и многих других. В секретном сообществе бугров⁶ состояли десятки офи-

⁵ ПСП – Петербургская сыскная полиция.

⁶ Бугр – мужеложец.

церов гвардии во главе с самым великим князем Сергеем Александровичем, братом государя. Зрел огромный и дурно пахнувший скандал. Состарившегося и больного Путилина, все больше отходившего от реальной службы, донимали из высших сфер. Каждый день его оттуда дергали, требовали прикрыть дело и не копать слишком глубоко. Мещерского при этом обещали выслать из столицы, однако ненадолго, поскольку царь-батюшка без него скучает... А тут происшествие еще хлеще.

Виноградов начал рассудительно:

– Погодим пока выпрыгивать из порток. Ну, августейший мышиный жеребчик был в номерах с дамой. Три дня назад, напомним. Потом ее закопали. Какая же здесь связь? Скорее всего, никакой. Где Их Высочество и где номера Донато? Следует негласно навести справки.

Путилин немного успокоился и обратился к Шереметевскому:

– У нас там есть кто-то?

– Коридорный второго этажа, фамилия ему Компорези.

– У нас уже и коридорные в шалавных номерах итальянцы?

– Там особые номера, – пояснил титулярный советник. – Секретный бордель для высокопоставленных особ. Потому и расположен в глухом углу, чтобы никто не видел. Как только Шевалдышев разглядел ту парочку? Молодец, беру его на заметку.

– Тащи этого Компорези в покойницу на опознание. А потом сразу ко мне.

Главный сыщик столицы был сильно раздосадован. С великими князьями лучше не связываться. Покойный государь приучил их к разврату и безнаказанности. Он первый подал дурной пример, сойдясь при живой жене с княжной Долгоруковой, которая была младше его на тридцать лет. После чего уже не мог запретить подобные проказы своим братьям. Ох, что тогда началось... Николай Николаевич Старший наплодил пятерых детей от балерины Красносельского театра Числовой. Дядя Низи, как звали его при Дворе, выполнял все капризы властной любовницы, а та била его за малейшее непослушание – генерал-фельдмаршала и кавалера Георгиевского креста первой степени... Сынок пошел в папашу, но он пока холостой, авось остепенится с годами. А еще в лейб-гвардии Гусарском полку сейчас командует эскадронном цесаревич. М-да...

– Найдете меня на квартире, – сказал Путилин подчиненным и отбыл. Нести службу старику было все труднее, он уже дважды выходил в отставку, но его просили вернуться. После таких дел, как это или история с Мещерским, вытурят в два счета и насовсем!

Шереметевский курьером вызвал Компорези в сыскное отделение – к черному входу. Встретил и провел в морг. Коридорный, как увидел мертвую женщину, стал креститься.

– Ну?

– Да, она была у нас и вчера, и третьего дня.

– Как зовут?

– Не могу знать, ваше благородие, – по-военному ответил осведомитель. – Паспорт мы у нее не спрашивали.

– Третьего дня она была с великим князем, молодым Николаем Николаевичем? – в лоб спросил чиновник.

– Да.

– Часто он у вас бывает?

– В первый раз приехал. Другие какие часто, а он впервые.

– Другие часто... А с кем?

Компорези смутился:

– Говорю же: мы паспортов не смотрим. Иначе кто к нам пойдет? Дамы все на подбор, есть светские, кому муж прискучил, а есть и бланковые, но высокого разбора.

– А покойница откуда взялась?

– Сколь помнится, она сняла номер еще в субботу. Три дня приводила всякую шушеру, и вдруг великий князь! Он прошел прямо к ней. Заказал только мне шампанского и конфеты. Дело привычное, мигом принес. Он уже был без доломана.

– Как звали убитую, не звучало? Поселилась у вас впервые или как? – продолжал расспросы титулярный советник.

– При мне он ее называл Каролиной.

– Ага, уже кое-что... Ну, идем к Путилину.

Но главный сыщик спал, и пришлось ждать больше часа, пока он сможет принять агента. Наконец разговор состоял-

ся. Компорези повторил все свои показания и добавил кое-что новенькое. На вопрос Путилина, кто поставляет в номера дорогих женщин, он признался:

– Главный, так сказать, поставщик – Игнат Власович Корнетов. Знаете такого?

– Слышал, но в деталях не знаком, – ответил Иван Дмитриевич, берясь за карандаш. – Давай подробности. Кто он? Сутенер?

– Берите выше, ваше превосходительство. Наружно купец, занимается каменным углем и коксом. Контора у него на Большой Садовой, и действительно, что-то кому-то он отгружает, будто бы даже за границу. А так... На самом-то деле Игнат Власович возит в столицу молодых и охочих девиц. Главным образом из Москвы.

– Думаешь, Каролина – кобылка из его табуна?

Освед⁷ пожал плечами:

– Не ко мне вопрос, мое дело – шампанское приносить да номер после убирать. Спрашивать об том следует господина Донато. Одно могу сказать точно: третьего дня великий князь с девкой мирно покуролесили и мирно уехали. А вчера вышло не так. Их Высочество прибыли, дверь за мной заперли, смех там слышался... Я спустился на первый этаж готовить счет. Вдруг слышу наверху шум. Бросил все, побежал туда, а мне навстречу офицер пронесся как на пожар. Злой, толкнул меня неавантажно, ругался скверными словами. Что

⁷ Освед – секретный осведомитель.

такое? Я в тот номер, а князь с дамой уже выходят, сердитые и друг друга бранят...

– Вчера?

– Так точно.

– И после этого ее убили... – проговорил вполголоса титулярный советник.

– Что за офицер? Был ли раньше? В каком чине и какого рода войска? – опять взялся за карандаш Путилин.

– Не могу знать, ваше превосходительство. Штаны синие, значит, кавалерист? Чин... Вроде бы поручик. Три звездочки у него. Раньше никогда у нас не был.

– Шифровку полка на погонах не рассмотрел?

– Не успел, уж больно шибко тот бежал.

Иван Дмитриевич покосился на коридорного и спросил вдруг:

– А ты точно итальянец?

– Дед мой был итальянец, а я уж, считай, русак. Это вы насчет «шибко»?

– Угу. Но продолжай, братец, все интереснее делается твой рассказ.

– Да уж конец, – развел руками коридорный. – Нечего больше рассказывать. Великий князь с Каролиной уехали, я пошел номер прибирать. Даже бутылку открыть не успели... Спугнул их офицер.

Сыщики еще порасспрашивали осведа, но тот ничего больше не добавил, а только начал повторяться. Путилин

приказал Шереметевскому:

– Давай сюда хозяина номеров. Рысью!

Через час чиновник для поручений привел jovиального мужчину с ухоженной бородкой а-ля Наполеон Третий. Тот пытался держаться солидно и одновременно приветливо:

– Ваше превосходительство, какая честь для меня! Газеты полны рассказами о ваших чудесных подвигах.

Иван Дмитриевич этого тона не принял и быстро поставил хозяина мебелирашек на место. Он заявил жестко: или выкладываете все, что знаете про убитую женщину и ее клиентов, или вышлю из столицы! И про Игната Корнетова не забудьте.

Донато сник и какое-то время молчал. Потом выдохнул:

– Боязно. Там такие имена...

Путилин заверил свидетеля:

– Против великого князя я не пойду, да и никто не пойдет. Но рассказать надо. Без протокола.

– Ежели без протокола, то дело было так...

И Донато стал давать показания.

Отношения с лжекупцом Корнетовым он выстроил уже лет пять тому назад. Игнат Власович занимал на рынке любовных услуг столицы уникальное положение. Он привозил сюда девиц и женщин легкого поведения, но, так сказать, первого сорта. Молодые, красивые, ухоженные, эти дамы могли сойти за порядочных, с такой и в театре показаться не стыдно было. Некоторые даже знали языки. Между собой Донато и Корнетов называли их «гувернантками», ставя это

слово в кавычки.

– А почему именно гувернантки? – заинтересовался главный сыщик.

– Так уж пошло, не вспомню почему, – ответил сводник. – Может, самая первая из них была ею по паспорту? Тут важен типаж: чистая, дорогая, с кем попало не пойдет. Но в ремесле сведущая!

– Каролина была из них?

– Покойница? Да, ее прислал Игнат Власович. Приехала из Москвы впервые. И сразу поймала великого князя! Вот ловкачка...

Где и как это случилось, Донато не знал. Барышня три дня ходила на охоту и возвращалась с мелкой добычей. Согласно уговора, она отдавала хозяину номеров десятую часть заработка, и суммы были невелики. Наконец «гувернантка» отправилась в Царское Село, и там ей улыбнулась удача. Великий князь, генерал-майор, командир гвардейского полка! Денег куры не клюют. И холостой, можно особо не прятаться.

– А что за скандал вышел вчера с этой парочкой?

– Об этом вам лучше расспросить коридорного Компорези. Я не видел и не слышал. Знаю от него лишь, что какой-то офицер проник в номер, где они миловались, и нагрубил так, что князь с барышней тут же уехали.

Дальше беседа протекала в спокойном тоне. Сводник продиктовал перечень своих клиентов – явно не всех, а только

тех, кого решил выдать полиции. Давить на него Путилин считал излишним; сначала надо было разобраться с убийством.

Он решил ковать железо, пока горячо, и, хотя была уже ночь, велел Шереметевскому доставить угольного торговца. И опять не в служебный кабинет, а на квартиру. Нюх подсказывал опытному бюрократу, что дело с душком, и лучше пока вести его приватно. Труп не спрячешь, о нем доложено градоначальнику. А вот от дознания хорошо бы избавиться. У Ивана Дмитриевича уже и идея появилась, как ему увильнуть в сторону.

Но допросить Корнетова ему не удалось. Шереметевский явился в контору поставщика «гувернанток» и нашел там два трупа: кассира и самого хозяина. Оба были убиты ударами ножа в сердце, весьма профессионально. Трупы были еще теплые...

Утром в кабинете министра внутренних дел графа Толстого собрались важные люди. Дмитрий Андреевич приходил на службу раньше всех в столице – в семь он уже работал за письменным столом, на котором никогда не оставлял ни одной бумаги (это было предметом особой гордости министра). Здоровье Толстого угасало, он все больше и больше напоминал живой труп. Граф давно никуда не ездил, посылая вместо себя одного из трех своих товарищей⁸. И даже генерал-губернаторам приходилось месяцами ждать, когда министр их примет. Чувствуя, что времени ему отпущено

⁸ *Товарищ министра* – заместитель.

но мало, он занимался лишь теми вопросами, которые интересовали государя. А еще теми, что касались августейшей семьи. Теперь был как раз такой вопрос.

На совещании присутствовали товарищ министра Плеве, директор Департамента полиции Дурново и градоначальник Петербурга Грессер. Именно градоначальник сделал доклад о происшествии, повлекшем уже три убийства, и о важных лицах, в нем замешанных. После чего сказал:

– Путилин просит забрать у него дело и передать в Департамент полиции. Старика можно понять, хватит с него нервовотрепки из-за бугров.

Министр скривился:

– Да уж. Прославились на весь свет, нечего сказать.

Он взял лежавшую перед ним французскую газету:

– Вот что пишут в Париже. «Монд» сообщает, что к ним приехал «le grand duc Serge avec sa maîtresse monsieur tel». Как-ково?

– Что, простите? – не понял градоначальник.

Плеве перевел ему:

– «В Париж приехал великий князь Сергей со своей любовницей господином таким-то».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.